

АВТОНОМНОСТЬ ВУЗОВ: ПОЧВА И СУДЬБА

Общественное недовольство качеством высшего образования обычно сфокусировано на неадекватном содержании лекций и семинаров, устаревшей материальной инфраструктуре и отсутствии всякой связи между последующей карьерой и усилиями, затраченными на получение хороших оценок. Общество подразумевает, что кто-то где-то в центре (например, министерство) должен обо всем этом подумать и позаботиться.

Чтобы образование стало качественным и интересным, считают инициаторы реформы автономности вузов, оно не может быть исключительно предметом прямой заботы централизованной власти, а должно стать объектом стараний самих университетов. В этом смысле необходимо завершить переход от советского вуза как формы подготовки персонала для отраслевого министерства к университету как рискующей на рынке репутацией автономной организации.

Вместе с тем, мы уже долгое время ищем рецепты по сближению теории и практики. Пытаемся вовлечь в образовательный процесс работодателей, скоординировать учебные программы под требования тех, кто будет в будущем пользоваться знаниями выпускников университетов. Кроме того, мы посыпаем голову пеплом и говорим об, относительно

других стран, более низком и неконкурентоспособном уровне преподавателей, а что еще важнее – отсутствии менеджеров в образовании. От них в немалой степени зависит, приживется ли в нашей среде независимое автономное университетское сообщество. Не создадим ли мы имитацию автономности, подспудно разрешая иные интересы?

Как добиться не формальной, а реальной автономности, учитывая, что самостоятельность университета не является нашей генетической ценностью? А может, инициаторы реформы думают, что нас надо бросить в казан

свободы творчества, ответственности администрации перед студентами и обществом и что-нибудь сварится? Позвольте заметить, что Казахстан в вопросах формирования гражданского общества и его общественных институтов традиционно скрупулезно взвешивает каждый шаг.

ПРЕЛЮДИЯ ПРОЦЕССА

Давайте попробуем заглянуть в историю создания данного общественного института в ряде стран, которые добились в этом успеха, и понять, не зыбка ли почва под ногами наших реформаторов.

Проблема автономности высших учебных заведений не нова. Ей почти тысяча лет – с момента появления европейских университетов Болоньи, Саламанки и Парижа. Тогда же начались дискуссии и борьба за автономию, которые ведутся до сих пор.

Сегодня лучшие университеты в англосаксонском мире, занимающие топовые места в международных рейтингах, практически полностью автономны от государства или региональной власти. Гарвард не нуждается в разрешении Вашингтона или штата Массачусетс, чтобы сформировать

свою траекторию развития на следующее десятилетие, а канцлер Оксфорда больше озабочен сохранением статуса своего вуза в глазах абитуриентов, выпускников и международного академического сообщества, нежели министерства образования Великобритании. Даже несмотря на эти свободы, они продолжают отстаивать свою автономию.

Ситуация в странах континентальной Европы намного сложнее. Европейские университеты институционально отстают от англосаксонских в среднем на 30 лет. Общий тренд – на увеличение самостоятельности в принятии решений и собственной ответственности за риск.

Еще более неоднородна ситуация в университетах Азиатско-Тихоокеанского региона. Внешне кажется, например, что китайская система высшего образования активно развивается и улучшается – об этом, казалось бы, говорит рост количества студентов в высших учебных заведениях и увеличение числа научных публикаций. Однако есть ряд признаков кризиса. Самые значимые из них – растущий отток интеллекта и падение индекса цитируемости, указывающие на то, что среда плохо поддерживает развитие талантов и интересные инновативные исследования. Исторически у китайских университетов не было никакой автономии: система копировала высшее образование СССР. Большинство университетов до сих пор дуально управляют партия и академическое сообщество. В 1990-х правительство стало ослаблять

контроль, но ограниченно, в русле политики «пекинского консенсуса»: постепенные реформы, инновации на местах, а не сразу по всей системе. Но все знают, что в любой момент гайки могут закрутить. Следствие? Университеты больше заинтересованы в соответствии формальным требованиям министерства, чем в оптимальном для них курсе развития и научных прорывах.

Молодая советская власть, перекраивая социальное устройство, лишила университеты всякой автономности и стала регулировать даже предметное содержание, а не только такие вопросы, как присвоение степеней и финансирование.

В 1930-е годы большинство университетов СССР были разобраны на отдельные институты в ведомственной логике – так возникли медицинские, педагогические, сельскохозяйственные вузы. Тут вопрос об автономности был уже неуместен. Кого, чему, как учить – все эти полномочия были изъяты из компетенции вузов.

Холодная война и гонка вооружений заставили пересмотреть вопросы подготовки современных кадров в области науки и технологий. Появление в 1950-х целой группы вузов с расширенными правами в определении содержания образования было вынужденным отступлением от тотального регулирования. Ярким примером является Московский физико-технический институт со своим особым дизайном образовательной логики и индивидуальных траекторий студентов.

Следующий период можно условно назвать «брошенными девяностыми». В хаосе распада СССР университеты, как и многие общественные инфраструктуры, оказались предоставлены самим себе. К этому никто не был готов. Так же как и у китайских, у советских вузов никогда не было не то чтобы реальной автономии, но даже понимания, что с ней гипотетически можно было бы делать. Один из эффектов нежданной свободы реализовался в скачке количества получающих высшее образование с 17 до 60%. Вместе с массовой потерей молодых исследователей и преподавателей

(ушедших в другие сферы деятельности или эмигрировавших) это привело к драматичным последствиям для качества образования.

Ситуация в обретших независимость республиках стала меняться в 2000-х годах, когда в обмен на выполнение определенных условий университетам были выделены значительные ресурсы и присвоены новые статусы.

Здесь важно еще раз обратиться к тому, что стоит за понятием автономии университетов. С одной стороны, это возможность университета как организации самостоятельно определять траекторию своего развития, формировать видение себя и своего влияния на мир. С другой – это академическая свобода, т. е. те самые принципы свободы преподавания и исследований, на которых был построен Гумбольдтовский университет в XIX в. и которые стоят в основе современного исследовательского университета.

Наконец, в-третьих, автономия университета имеет еще одну грань, о которой обычно говорят меньше. Это свобода студента выстраивать свою траекторию обучения (выбор университета, предметов, преподавателей), обеспечивающая полноценное развитие личности.

Для университетов автономия не значит, что им позволено делать все, что они пожелают. За свободу они платят ответственностью за свои решения перед обществом, профессурой, студентами и выпускниками. Если университет берет на себя ответственность за свои цели и действия, исследователь сам определяет тематику и ход своей работы, а студент – порядок своего обучения, им уже не с руки винить систему.

Ответственность означает и способность, и необходимость держать открытый ответ перед студентами, преподавателями, партнерами и обществом в широком смысле. Это, в свою очередь, требует публичности целей и результатов их достижения. Так понимаемая публичность зафиксирована англоязычным термином *accountability*, т. е. буквально – «под-

отчетность», но в нашем пространстве, где университеты перегружены разнообразной отчетностью, призывать их к дополнительной подотчетности было бы неразумно.

Девяностые с их массовым возникновением псевдоуниверситетов научили нас бояться, что на повышенную автономию университеты могут среагировать резким падением качества.

КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ РЕФОРМЫ

Инициатором реформ в Казахстане в 2017 году выступило Министерство образования и науки, которое представило их в виде законопроекта «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам расширения академической и управленческой самостоятельности высших учебных заведений».

В основе документа лежит международная практика в общем и опыт Назарбаев Университета в частности. После того как этот документ будет принят, все высшие учебные заведения страны, так же, как и те, что взяты в качестве образца, смогут самостоятельно разрабатывать свои образовательные программы, определять порядок приема студентов, подбирать профессорско-преподавательский состав, создавать стартап-

компании и даже открывать филиалы за рубежом.

Разработка собственных образовательных программ вузами будет вестись на основе так называемой Национальной рамки квалификаций. Стандартов этой квалификационной рамки пока нет – их ещё предстоит утвердить, однако уже сейчас известно, что главными её критериями будут результаты обучения и компетенции. Собственные образовательные программы высших учебных заведений, в свою очередь, станут индикаторами качества преподавания в вузах. Иначе говоря, институты и университеты ожидает жёсткая конкуренция, и если они не будут стараться повысить качество обучения, то просто-напросто вылетят с рынка.

«Министерство не должно говорить, что преподавать. Все 130 вузов должны включиться в работу по обновлению содержания своих образовательных программ. К примеру, у нас будет 50 вузов, которые преподают IT. Наше профессиональное сообщество говорит, что выпускники 10 вузов получают современные знания и находят работу, а знания по программам других вузов не будут использованы, – рассказал министр образования и науки Ерлан Сагадиев. – У таких вузов есть три варианта. Первый: бежать в лучшие вузы, брать у них образовательные программы, быстро внедрять и улучшать качество образования. Второй: просто закрываться, естественно, студенты перетекут в лучшие вузы. Третий: искать партнёров и самим разрабатывать более качественные программы для внедрения у себя».

Важно отметить, что свои образовательные программы академически свободные вузы всего мира регистрируют не в профильном госоргане собственной страны, а в международных аккредитационных агентствах. Соответственно, студенты после окончания этих высших учебных заведений востребованы практически в любом государстве.

Ожидается, что благодаря реформе выпускники казахстанских институтов и университетов тоже при желании легко смогут трудоустроиться за рубежом.

Вместе с тем студенты и сами должны быть заинтересованы в получении качественных образовательных услуг. В этой связи им намерены предоставить право одновременного формирования индивидуальной траектории обучения в двух направлениях: Major – углубленное освоение дисциплин в размере 129 кредитов, и Minor – дополнительное освоение дисциплин. Например, студенты-физики могут дополнить своё образование знанием юриспруденции, а экономисты – знанием ИКТ, права или маркетинга.

Но, пожалуй,

главная задача, которая ставится перед реформой – это увеличение доли населения с высшим образованием.

В профильном ведомстве констатируют, что лишь чуть более 30% казахстанцев имеют дипломы вузов, тогда как в соседних странах этот показатель достигает 50%. Отныне Министерство образования и науки пообещало не чинить больше искусственных препятствий выпускникам школ при поступлении в институты и университеты.

Ерлан Сагадиев заявил: «Мы долго шли по пути запрещения выпускникам идти в высшие учебные заведения. В принципе много стран постсоветского блока пользуются такой практикой. Мы её не считаем верной, потому что если человек не имеет высшего образования, ему тяжело трудоустроиться. Всегда будут сильные дети, всегда будут слабые. Это не значит, что теперь нужно каким-то искусственным способом ставить барьеры. Другая проблема – бесполезно обучать большое

количество населения без улучшения качества преподавания».

КАК ТРАТИТЬ С УМОМ

Финансирование вузов – ещё один важный пункт в реформировании системы высшего образования Казахстана. С обретением академической независимости институты и университеты страны смогут самостоятельно привлекать средства для своего развития всеми способами, за исключением противозаконных. Депутаты Мажилиса, которым презентовали этот проект закона, к вопросу финансирования отнеслись настороженно. Парламентарии опасаются, что вузы будут бесконтрольно тратить полученные деньги.

Разработчики уверены в собственных силах: «При предоставлении автономии вузам мы не должны допустить превращения высшего образования в бизнес, а следовательно, необходимо решить вопрос о комплексном изменении нормативных правовых актов. Важно, чтобы деньги шли именно на развитие вузов, и в принципе это возможно – мы знаем, как это работает в мировой практике», – прокомментировала руководитель рабочей группы, депутат Мажилиса Парламента Джамиля Нурманбетова.

В целом, с точки зрения финансовой ситуации сейчас критична. У казахстанских вузов в основном операционный бюджет – вместе с деньгами приходят указания, на что и когда их тратить. Жесткий контроль трат не позволяет открыться длинному горизонту планирования, поскольку университеты не могут делать инвестиции и хеджировать свои риски. Здесь об инновативном и трансформационном развитии не может быть и речи – необходим переход к блочному финансированию на длительный срок.

С чем согласны все, так это с тем, что университеты должны направить свои усилия на диверсификацию источников финансирования.

Депутаты обратили внимание на то, что механизмы перехода вузов к академической свободе в целом в законопроекте Министерства образования и науки чётко не прописаны. Этим они теперь намерены заняться сами. Проект закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам расширения академической и управленческой самостоятельности высших учебных заведений» Мажил

лис взял на разработку. Правда, как стало известно, спешить с этим делом парламентарии не будут – завершить работу над документом они планируют не раньше чем через год.

ВЫВОД

Мировой опыт развития автономии и независимости вузов в первую очередь направлен на свободу учебных программ, свободу слова, право выражать свои мысли при передаче знаний, финансовую самостоятельность. Готова ли почва для таких реформ в Казахстане? Во всяком случае, переход к автономии и функционирование новой системы невозможны без публичного обсуждения реализации реформы.

Для многих университетских систем автономия и публичность традиционно находятся на разных полюсах. При этом выиграть в обе игры нельзя. Высокая автономия и нулевая публичность в этой картине мира значат злоупотребление доверием общества. Низкая автономия и высокая подотчетность непременно приводят к имитации. Редакция журнала «Современное образование» бросает клич инициаторам реформы, университетскому сообществу раскрыть на страницах журнала свое видение «автономности» и заглянуть в будущее современного казахстанского образования.

Болат ЖАНСУГУРОВ

АННОТАЦИЯ

Білім беру саласында белсенді талқыланып жатқан тақырыптардың бірі – жоғары оқу орындарының автономиялығы туралы мақала авторы Болат Жансүгіров ой толғайды. Автор аталмыш институттың Батыспен Шығыстағы тарихына тоқталып, еліміздегі жоғары оқу орындарының академиялық және өзін-өзі басқару қызметін кеңейту жөніндегі Білім және ғылым министрлігінің бас-тамасымен көтерілген жобасын талқылайды. Сондай-ақ кең көлемді алдын-ала талқылаусыз автономияға көшу және жаңа жүйені кіріктіру мүмкін емес деген шешімге келеді.